

— Всего четыре дня? Так быстро? — удивился И Инь. Раньше он слышал, что пик Фэйи находится в средней части хребта Тяньмэнь. Они шли почти десять дней, чтобы добраться туда, и выходя с пика, должны были потратить примерно столько же времени.

Хо Цинъян не понимал причины удивления И Иня, но Вэй Чжао спокойно заметил:

— Видимо, в первые дни мы сделали немало лишних кругов в горах.

И Инь с содроганием кивнул, соглашаясь. Если бы они не встретили Хо Цинъяна, то даже за десять дней могли бы продолжать блуждать в горах. Хо Цинъян говорил, что им повезло, и это было не без оснований.

Хо Цинъян точно рассчитал время и расстояние. На четвертый день, к вечеру, они успели добраться до Бяньчэна до заката. Хо Цинъян с радушием пригласил Вэй Чжао и И Иня в гости, сказав, что у него дома никого нет, и все будет удобно.

Вэй Чжао взглянул на свои и И Иня одежды, которые уже давно не годились для публичного вида, и кивнул в согласии. В горах это еще можно было терпеть, но в городе выходить в таком виде было стыдно.

Хо Цинъян привел Вэй Чжао и И Иня домой и первым делом занялся тем, чтобы нагреть воду для их бани. Сам же он, пока набирал воду из колодца, сразу же окатился холодной водой.

Фигура Вэй Чжао была похожа на фигуру Хо Цинъяна — оба были стройными, поэтому одежда Хо Цинъяна ему подошла, хотя Вэй Чжао был на полголовы выше, и брюки оказались коротковаты, обнажая икры. Но так как было лето, это было терпимо.

И Иню пришлось хуже — у Хо Цинъяна не нашлось для него подходящей одежды, и ему пришлось обернуться верхней одеждой Хо Цинъяна, как халатом. Хо Цинъян сказал, что ему придется потерпеть одну ночь, а завтра он пойдет в восточную часть деревни и одолжит одежду у внука старосты.

Живя под чужим кровом, И Инь, естественно, не стал привередничать. К тому же, за весь этот путь они уже достаточно обременяли Хо Цинъяна, и у него не было повода что-то требовать.

На следующий день Хо Цинъян действительно принес И Иню одежду, но это была не грубая ткань, как он ожидал, а тонкий холст. Кроме того, Хо Цинъян принес Вэй Чжао новый комплект одежды из тонкого хлопка.

Вэй Чжао и И Инь переглянулись, и в глазах каждого из них читалось недоумение. Сам Хо Цинъян носил грубую одежду с заплатками на плечах и коленях. Почему же он одолжил им такую хорошую одежду, и почему ее вообще ему одолжили?

Вэй Чжао не хотел задерживаться у Хо Цинъяна надолго. Переодевшись, он собрался уходить с И Инем, сказав, что сейчас у него нет денег, чтобы отблагодарить Хо Цинъяна, но как только он вернется в Юйцзин, обязательно пришлет ему щедрую благодарность.

Хо Цинъян покачал головой, сказав, что спасти жизнь человеку — это больше, чем построить семь пагод, и что ему не нужно их благодарности. Он также предложил Вэй Чжао и И Иню остаться еще на несколько дней, чтобы восстановить силы, ведь до Юйцзина тысячи ли, и просто так туда не доберешься.

Если они не спешат, то могут подождать несколько дней, пока он продаст добычу из гор и

получит серебро, чтобы снарядить их в путь и нанять повозку. К тому же, у него самого нет дел, и он мог бы проводить их до Юйцзина.

Внезапно выражение лица Вэй Чжао резко изменилось, и он строго спросил:

— Хо Цинъян, кто ты такой? Какие у тебя намерения, приближаясь к нам с сыном?

С самого начала Вэй Чжао относился к Хо Цинъяну с противоречивыми чувствами. Его появление было слишком внезапным, и он был слишком добр к ним. Сказать, что у него не было никаких целей, Вэй Чжао не мог. Однако, наблюдая за Хо Цинъяном весь путь, он не заметил ничего подозрительного.

Изначально Вэй Чжао собирался не углубляться в подробности и просто уйти с И Инем. Даже если бы Хо Цинъян действительно что-то хотел от него, Вэй Чжао не отказал бы, если бы это было в разумных пределах.

Но вот Хо Цинъян повел себя так: случайная встреча, помощь — это можно объяснить добротой. Но Хо Цинъян сам был беден, а теперь еще предлагал снарядить их в путь и даже лично проводить до столицы. Вэй Чжао не мог не насторожиться.

Хо Цинъян прямо смотрел на Вэй Чжао, не уклоняясь от его испытующего взгляда. После недолгого молчания он встал на одно колено и серьезно сказал:

— Ваше высочество, я никогда не забуду вашу милость, спасшую мне жизнь. Такая малая благодарность — ничто по сравнению с этим.

Эти слова ошеломили и Вэй Чжао, и И Иня. Кто кого спас?

Особенно Вэй Чжао, в глазах которого уже загорелся смертельный огонь. Он поднял руку, указывая на Хо Цинъяна, и холодно произнес:

— Хо Цинъян, объяснись!

Тот, кто называл его «ваше высочество», явно знал о его статусе князя Цинь. И Хо Цинъян утверждал, что Вэй Чжао спас ему жизнь, но Вэй Чжао никак не мог вспомнить, когда это могло произойти.

Видя, что Вэй Чжао нахмурился, и его недоумение не было притворным, Хо Цинъян продолжил:

— Шесть лет назад, за пределами Уланьчэна, ваше высочество спасли ребенка из-под копыт коня фуюйцев.

Шесть лет назад?! Это был тридцать девятый год Юнцзя. Тогда он впервые отправился в военный поход, полный амбиций и желаний совершить подвиги. Но Ли Кан был слишком осторожен, все запрещал, и Вэй Чжао это сильно раздражало. Если так продолжать, когда же война закончится?

Любой другой, получив приказ главнокомандующего не предпринимать необдуманных действий, даже если был недоволен, смирялся и не осмеливался нарушить приказ. Военные приказы — как горы, нарушивший их будет казнен.

Хотя Вэй Чжао и был принцем, он также был генералом под командованием Ли Кана. Открыто

нарушить приказ он не мог, но тайно часто выходил с несколькими сотнями личных солдат на границу двух стран, где встречал небольшие отряды фуюйцев и безжалостно уничтожал их.

Трудно сказать, была ли удача на стороне Вэй Чжао. Первые несколько раз он сталкивался с небольшими отрядами фуюйцев, от нескольких сотен до пары тысяч человек. Его личные солдаты были лучшей кавалерией Великой Янь, способной сражаться один против десяти. Врагов, в два-три раза превосходящих их числом, они легко одолевали.

Но в тот день, когда Вэй Чжао просто прогуливался, он столкнулся с правым генералом фуюйцев Дугу Энем, который напал на Уланьчэн. Хотя Дугу Энь не командовал знаменитой Армией Золотого Волка, у него было более 10 000 солдат, с которыми несколько сотен человек Вэй Чжао справиться не могли.

Область Ючжоу представляла собой равнину, с плодородными землями на востоке, где лежала богатая равнина Сунхэ, и бескрайними степями Усу на западе. Хребет Аэрсылань, богатый ресурсами, простирался посередине, делая этот регион идеальным для земледелия, скотоводства и даже охоты.

Но у Ючжоу был один недостаток: северная часть была выше южной. В руках фуюйцев она была легко обороняемой, но для Великой Янь — легко атакуемой.

Именно из-за такого рельефа фуюйцам было легко напасть на Уланьчэн. Они просто пересекли степи и оказались там, застав всех врасплох. К тому же, войска Ли Кана были в основном расквартированы возле Байчэна, в сотне с лишним ли от Уланьчэна, и в случае чего не могли быстро прийти на помощь.

Когда Вэй Чжао с отрядом добрался до города, фуюйцы уже разграбили его и поспешно отступили. Они все же боялись стотысячной армии Великой Янь, поэтому ограничились убийствами и грабежами, не задерживаясь в городе.

— Ваше высочество, будем преследовать? Я слышал, что Дугу Энь приказал увезти сотни девушек из города, — доложил личный солдат Вэй Чжао, явно недовольный.

Фуюйцы, совершая набеги на Великую Янь, кроме золота и зерна, больше всего любили похищать молодых девушек и женщин. Эти невинные женщины попадали к фуюйцам, где их делили между собой мужчины, которые не могли найти жен, и заставляли их рожать детей.

В будущем их дети, вырастая, даже не знали, что в их жилах течет китайская кровь. Они будут делать то же, что и их отцы. Подобные трагедии происходили на северных границах Великой Янь поколение за поколением.

Вэй Чжао немного подумал и махнул рукой:

— Братья, за мной!

Как можно отпустить фуюйцев? Это было бы предательством своего имени.

В том сражении Вэй Чжао с восемьюстами всадниками одержал победу над превосходящими силами, заставив Дугу Эня с остатками армии отступить, и спас множество похищенных девушек.

Вэй Чжао, имея ограниченные силы, не стал преследовать врага без меры, а собирался вернуться в город. Но вдруг он заметил, что позади одного из фуюйских всадников на коне

висел мальчик, которого вот-вот должны были растоптать копыта.

Не раздумывая, Вэй Чжао развернул коня и бросился вперед. Конь Вэй Чжао, «Люсин», был породистым скакуном, подаренным ему принцессой Гаочан, выданной замуж за правителя Усуней, в честь его десятого дня рождения.

<http://bllate.org/book/16486/1498061>